библиотека сатиры и юмора

А. Архангельский

(Архип)

АЭРОФИЛ

Издательство „ЗиФ"

Константин Елисеев

БИБЛИОТЕКА САТИРЫ И ЮМОРА

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
(АРХИП)

АЭРОФИЛ

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Государственная
учебно-практ. школа-типография
имени тов. Алексеева
Ленинград, Красная ул., 1
Количество 15.000 экз.— 2.
Главлит № 51041
1926

АЭРОФИЛ

Ежедневно, в часы послеобеденного отдыха, когда Кузякин, лежа на диване, лениво ползает соловеющими глазами по столбцам „Известий“,— в открытое окно доносится ровный рокот летящего аэроплана.

Кузякин поднимает голову, прислушивается, вскакивает с дивана и, семеня коротенькими ножками, бежит на кухню. Крикнув с порога: „аэроплан! аэроплан!“—как обычно кричат: „пожар! пожар!“— он мчится обратно, высовывается из окна, с риском упасть на мостовую с четвертого этажа, и, задрав голову, водит ею в поисках летящего аэроплана.

Тотчас же из кухни прибегают: Кузякина-мать, одиннадцатилетний сын Игорь и семилетний Олег, наваливаются на отца и, также задрав головы, наперебой начинают кричать:

— Вон! Вон! Смотри!

— Где? Где?

— Налево, за деревьями!

— Ого-го! Делает мертвую петлю!

— Игорь, дай скорее бинокль!

Игорь, боящийся упустить аэроплан, передает приказание Кузякину-младшему:

— Олег, тащи бинокль!

Пока Олег разыскивает старый театральный бинокль, аэроплан скрывается за крышами домов.

— Спланировал!— огорченно вздыхает Кузякин-отец и снова ложится на диван.—Игорь!—зовет он через минуту сына.—Игорь

Игорь спрыгивает с подоконника и подходит к отцу.

— Что, папа?

— Хочешь быть авиатором?

— Нет,— не задумываясь ответил Игорь.

— Почему?— спрашивает удивленно отец.— Почему?

Игорь молчит, потом решительно заявляет:

— Я хочу быть барабанщиком.

Кузякин-отец вскипает.

— Дурак!— кричит он сыну.— Ты еще свинопасом захочешь быть!

— Я хочу быть авиатором,— заявляет Олег.— Я вырасту большим и буду летать на большом аэроплане.

Кузякин-отец шлепает Олега пониже спины и с довольной улыбкой говорит:

— Вот молодец, сыночек! Вот это хорошо! Ну, ступайте.

Дети уходят. Кузякин поднимает с пола „Известия" и снова принимается за газетную жвачку. Проглотив московскую хронику, он шарит тяжелеющими глазами по объявлениям, потом переворачивает газету и во второй раз внимательно перечитывает фамилии пожертвовавших на воздушный флот.

— Странная вещь,— думает он,— почти месяц прошел, как я пожертвовал пять рублей и до сих пор нет моей фамилии. Странно.

Кузякин переворачивается на бок, принимает удобную для сна позу, но заснуть не удается. В передней раздается три резких звонка. Приходит гость — Николай Павлович Золотухин.

Он стремительно вбегает в комнату, трясет встающему с дивана Кузякину руку и засыпает его ворохом слов.

— Здоров? Валяешься? Обломов! Я забежал на одну секунду. Иду на торжественное заседание. Сорок лет деятельности нашего председателя. А где Марья Семеновна? Как детишки?

— Маруся!— кричит в дверь Кузякин.— Поставь самовар!

— Нет, нет!— машет руками Золотухин.— Я не буду. Спасибо. У меня нет времени. Сейчас сколько времени? Половина седьмого? Ну, ладно. Стаканчик выпью. Ну, что поделываешь? Чем увлекаешься?

— Живем — хлеб жуем,— говорит Кузякин.— Прыгаю со дня на день, как воробей с кочки на кочку. Думаю полетать. Вот даже пять целковых на воздушный флот пожертвовал, но почему-то до сих пор не печатают мою фамилию. Не зажулили? А?

— Не думаю,— глубокомысленно говорит Золотухин, удобнее усаживаясь в кресле.— Вряд ли. Ну, а ты летал?

— К сожалению, нет,— печально вздыхает Кузякин.

— Как?! — подскакивает Золотухин,— ты до сих пор не летал? Позор! Ведь ты же член ОДВФ?

— Да как тут лететь? — оправдываясь говорит Кузякин и прикрывает рукой значок ОДВФ,— ведь за полет не меньше червонца надо заплатить, а при моих рессурсах это не по карману. Но я обязательно полечу. Мне страшно хочется полететь. Понимаешь, сплю,— Кузякин зажмуривает глаза и сейчас же открывает,— сплю и вижу себя в воздухе, на высоте этак четырех тысяч метров. Внизу люди — букашки, вверху облака. Красота!

Кузякин воодушевляется и, размахивая руками, говорит о безумстве храбрых летчиков, свершивших перелет в Китай, о незабываемом ощущении надмирности вольных сынов эфира...

Марья Семеновна вносит шумящий самовар. Золотухин вскакивает, трясет ей руку и снова влипает в кресло.

— Иной раз,— продолжает говорить Кузякин,— снится, что я авиатор, на войне. Лечу на огромной высоте. Вокруг аппарата белые облачка разрывов шрапнели. Обстреливают. Жутко. Мотор ревет, ветер свистит. Красота! Эх! До чего доходит человечество! Подумать только — люди летают как птицы!

Вдруг Золотухин бьет себя по лбу, вскакивает и начинает рыться в карманах.

— Дорогой мой!— восторженно говорит он, перебирая какие-то бумажки,— да ведь у меня есть билет на право бесплатного полета. Вот... Нет, это не он. Вот. На, лети на здоровье!

Он сует Кузякину билет и довольный усаживается в кресло.

— Лети, а потом нам грешным расскажешь, каково летать.

Кузякин растерянно вертит билет.

— А почему... почему ты не полетел? — спрашивает он Золотухина.

— Боюсь, добродушно сознается тот,— ходил, ходил пешком и вдруг... Страшновато. Хорошо, если хорошо, а вдруг носом в землю?

— Чудак! с деланной улыбкой говорит Кузякин,— чего бояться? Теперь техника так далеко шагнула вперед. Я читал, что летать безопасней, чем ездить в поездах.

— Техника — техникой, — говорит Золотухин, прихлебывая чай, — а береженого, как говорится, бывший бог бережет. Полетишь, а вдруг мотор остановится! Трах об земь, мокрого места не останется. Вот тебе и вольный сын эфира. Нет, уж я предпочту старый способ передвижения.

Золотухин допивает чай и вскакивает.

— Ну, я побежал. Спасибо, Марья Семеновна. Нет, не могу. У меня сегодня торжественное заседание. Неловко опоздать. В другой раз посижу дольше. До свиданья. До свиданья. Ну, желаю тебе успешного полета.

Он торопливо жмет руки, схватывает шляпу и стремительно уходит.

Наступает молчание. Кузякин нервно вертит билет. Жена ожесточенно трет полотенцем стакан и, не глядя на мужа, спрашивает:

— Полетишь?

Кузякин молчит.

— Голову захотелось свернуть? — продолжает жена, громыхая блюдцами.

Кузякин срывается с места и взволнованно ходит по комнате.

— Ты ничего не понимаешь, — говорит он. — Причем тут голова? Теперь техника так далеко шагнула вперед...

— Да ты что? — кричит жена, — ты в самом деле лететь хочешь? Вдовой меня хочешь сделать. Смотрите, ходил, ходил и вдруг на тебе, летит. Тоже авиатор нашелся!

— Не говори глупостей!— кричит Кузякин.— Я не маленький мальчик. Я знаю, что я хочу делать. Один раз полететь можно.

— Ты с ума сошел! — кричит жена и начинает всхлипывать.— У тебя взрослые дети! Ты их сиротами сделаешь!

— Да ведь пойми же ты, — говорит Кузякин, — ведь мне неудобно не лететь. Человек дал билет. Если я не полечу, меня на смех подымут.

— И пускай! — кричит жена, — пускай. Сам небось не полетел, а других дураков подбивает! Если ты полетишь, — визгливо кричит она, наседая на мужа, — я с тобой жить не буду. Уйду!

— Не говори глупостей, — неуверенно говорит Кузякин. — Мне же теперь неудобно.

— Ничего неудобного, — говорит жена. — Давай сюда билет!

Она вырывает билет и рвет его на мелкие кусочки.

— Вот так будет лучше! — решительно заявляет она, бросая обрывки в полоскательницу. — Тоже нашелся гусь, сам не летит, а других подбивает.

Кузякин молча ложится на диван.

В передней раздаются три резких звонка и через минуту в комнату торопливо вбегает Золотухин.

— История с географией! — кричит он еще с порога. — Я тебе вместо билета на право полета по ошибке отдал билет на сегодншнее торжественное заседание. Давай-ка его сюда, а тебе на, вот, настоящий.

Золотухин сует Кузякину билет и нетерпеливо перебирает ногами.

— Билет... билет... — бормочет Кузякин и растерянно шарит по карманам. — Куда я его засунул? Маруся, ты не знаешь, куда я девал билет?

Жена, повернувшись спиной, ожесточенно трет полотенцем стаканы.

— Да ты шевелись, шевелись, — торопит Золотухин, — в девять начало. Я опоздаю.

Кузякин тычется руками в карманы. Лицо его багровеет. Он подступает к Золотухину и визгливым голосом кричит ему в лицо:

— Убирайся вон!! Если тебе дали билет, так ты лети, а не сбывай его другим! Ты трус! Трус!

Ошарашенный Золотухин пятится к двери, а Кузякин, брызжа слюной и размахивая руками, наступает на него и кричит:

— Авиацию надо уважать! Имеешь право лететь—лети! Вон!! Чтоб ноги твоей больше не было в моем доме!

РАССКАЗ С БЛАГОПОЛУЧНЫМ КОНЦОМ

Семейную жизнь в настоящее время можно уподобить хрупкому стеклянному сосуду. Малейшее сотрясение — разбился сосуд, рассыпался на мелкие осколки. О склеивании нечего думать. Берите метлу и выметайте. Ставьте многоточие. Муж направо, жена налево, дети, если таковые имеются, по середине.

В большинстве случаев принято обвинять мужчин. Они-де бросают жен, меняют многолетний семейный стаж на новые увлечения. Может быть. Не спорю. Мне, как мужчине, трудно быть беспристрастным. В этом рассказе муж любит свою жену.

Муж — человек очень занятой. Днем заседает где-то в ученых комиссиях, вечерами до позднего часу просиживает за письменным столом, пишет ученый труд. Понятно, что ученому человеку нет никакого дела до стирки белья, изготовления обедов и штопки носков.

Все эти хозяйственные обязанности исполняет жена — Нона Михайловна. Готовит обед, штопает носки, торгуется с прачкой и ходит на рынок.

Но не единым штопанием носков жив человек. Человеку нужна ласка, нужна теплота, нужна так называемая любовь, да такая, чтоб и на десятый год она была свежей, как только что вынутый из печки хлеб.

Муж сидит в кабинете и пишет ученый труд. Времени у него в обрез. Он еще может оторваться на секунду от стола погладить жену по волосам и пробормотать:

— Спокойной ночи. Я еще немного поработаю. Ступай спатеньки.

И все. И утыкается ученый муж носом в бумаги, скрипит пером, а Нона Михайловна идет спать, вздыхает, может быть, даже утирает слезы, последнее неизвестно. В спальне темно. Вздохи слышны, а слез увидать нельзя.

Короче говоря, у Ноны Михайловны появился „друг“ — Аркадий Сергеевич. Как это случилось — точно неизвестно. Пристал ли он к ней на улице или познакомился в кино, это не важно. Факт тот, что по вечерам Нона Михайловна начала уходить к другу и возвращаться домой поздно.

Она торопливо заходила в кабинет, целовала ученого мужа в лысину и говорила.

— Я засиделась у Ани. Она тебе кланяется.

Муж отрывался на секунду от стола, гладил ее по голове и торопливо бормотал:

— Прекрасно. Спасибо. Спокойной ночи. Я еще немного поработаю.

* * *

Любовь и штопанье носков несовместимы.

Конечно, можно штопать носки любимому человеку, но любить одного и штопать носки другому—это невозможно.

Для Ноны Михайловны это стало очевидным на исходе первого месяца дружбы с Аркадием Сергеевичем.

— Милый мальчик, — нежно сказала она ему, — дальше так продолжаться не может. Мне противна пайковая любовь. Или все, или ничего. Или мы расходимся и я возвращаюсь к мужу, или я ухожу от него и мы будем вместе. Но имей в виду, я люблю тебя безумно и, если ты покинешь меня, я отравлюсь.

Хотя Аркадию Сергеевичу было под сорок и он никак не походил на мальчика, но в его груди билось сердце романтика. Он любил приключения и юношей писал лирические стихи. Стихи отпали увядшими листьями, романтика осталась.

Он схватил Нону Михайловну за руку, крепко сжал ее и сказал:

— Да, да. Бежим. Уедем на юг. Скроемся от будничной жизни. На берегу моря снимем дачу, будем купаться, загорать и любить друг друга!

Сердце Ноны Михайловны заколотилось, как завязанный в мешке заяц. Она с восторгом глянула Аркадию Сергеевичу в глаза и сказала:

— Бежим! Я пойду домой и, как честная женщина, скажу мужу о том, что ухожу от него навсегда. Кадя, милый!..

Потом они перешли к деловому обсуждению отъезда на юг. Было решено, что они уедут завтра поездом в 6.30.

Аркадий Сергеевич вынул часы и торжественно сказал:

— Итак, завтра в 6.30. Мы встретимся прямо на вокзале. Не забудь захватить документы, удостоверяющие твою личность.

Они поцеловались, и Нона Михайловна ушла домой.

Ученый муж, как обычно, сидел и писал.

Нона Михайловна решительными шагами подошла к нему, чтобы заявить ему, что она завтра уезжает на юг с любимым человеком, но вместо этого, по привычке, поцеловала лысину и выслушала знакомое заявление:

— Спокойной ночи. Я еще немного поработаю.

* * *

На другой день ровно в пять часов Аркадий Сергеевич вышел из дому, держа в руке желтый кожаный чемоданчик, и сел в трамвай, шедший к вокзалу.

Пять часов — время, когда тысячи служащих покидают прокуренные учреждения и, злые от многочасовой работы и голода, штурмуют трамваи.

На остановках происходят инсценировки осады крепостей. Десятки рук хватаются за ручки трамвайных дверей. Десятки ног карабкаются по ступенькам. Успевшие вскочить, втиснуться, вдавиться на площадку, кричат:

— Куда вы прете! Вы же видите, что мест нет! Вагон переполнен! Не лезьте, как бык!

Висящие на подножках дрыгают ногами и орут:

— Проходите вперед! Впереди пусто! Продвигайтесь вперед!!

Затем, тот, кто висел на подножке и орал, требуя продвинуться немножко вперед, вдавливается на площадку и сейчас же меняет программу выкриков. Он злобно отпихивает спиной и локтями лезущих в вагон и кричит:

— Куда вы прете! Вы же видите, что тут нет места! Безобразие!

Задерганная, озлобленная кондукторша дает звонок, и вагон отправляется дальше.

Свисток. Вагон останавливается. Человечек, вскочивший на ходу в трамвай, отчаянно работая локтями, пробирается вперед и останавливается у выходной двери с видом человека, едущего от конечной станции.

Преступление скрыто. Концы спрятаны в воду. Но контролер догоняет вагон, как тигр вскакивает на площадку и сверлящим взглядом пробуравливает пассажиров.

— Вы?! — хватает он первого попавшегося под руку. — Сходите!

Пассажир злобно выдергивает руку и краснея кричит:

— Вы с ума сошли? Я еду от Страстной площади! Спросите пассажиров!

— Да! Да! — хором кричат пассажиры. — Он едет от Страстной.

Контролер разжимает цепкие пальцы и хватает другого пассажира.

— Тогда вы вскочили на ходу.

— Что? — багровеет пассажир. — Я? — Да вы очумели? Я еду от Охотного. Спросите пассажиров!

— Да! Да! — хором подтверждают пассажиры.—Он едет от Охотного!

Контролер свирепеет. Чорт возьми! Но ведь он своими глазами видел, как кто-то вскочил на ходу в трамвай.

Он тычется, как слепой щенок, хватая то одного, то другого пассажира, но в ответ несутся негодующие крики:

— Оставьте меня в покое!

— Это не я!

— Что вы хватаетесь за руку!

— Отправляйте вагон!

— Эй, тетка, — кричит кондукторше чей-то зычный бас. — Чего рот раззявила? Отправляй вагон. Архиерея ждешь, что ли?

Вагон кипит. Вагон клокочет. Голос контролера тонет в дружном хоре возмущений и протеста. Контролеру тычут под нос часы и кричат:

— Из-за вас я опаздываю на поезд!

— Не задерживайте вагон!

— Что за хамство!

Но вот рука контролера схватывает Аркадия Сергеевича.

— Сходите, гражданин!

От неожиданности Аркадий Сергеевич краснеет. Слова застревают в горле. В вагоне становится так тихо, как в цирке, когда акробат готовится к опасному номеру.

Человек молчит, не возражает, не возмущается, ясно, это он вскочил на ходу, ясно, из-за него вагон стоит пять минут.

В публике вспыхивает возмущение.

— Что же вы стоите? — кричит толстая дама. — Из-за вас мы не едем. Сходите!

— Сходите! Сходите! — подхватывают пассажиры.

Торжествующий контролер на буксире выводит Аркадия Сергеевича из вагона. Моментально их облепляет толпа любопытствующих.

— Вы вскочили на ходу! — сурово говорит контролер, — вытаскивая книжку.

К Аркадию Сергеевичу возвращается способность произносить слова.

— Это недоразумение,—говорит он,— я не вскакивал на ходу. Я сел у Триумфальных ворот.

— Не врите, гражданин, — обрывает контролер, — у меня глаза не на затылке. Я видел, как вы вскочили на ходу.

— Но уверяю вас, — жалобно говорит Аркадий Сергеевич, — я не мог вскочить. Я же говорю вам, что сел у Триумфальных ворот.

— Ага, — злорадно говорит контролер, — вы еще упорствуете? Тогда я вынужден отправить вас в милицию.

Толпа зевак разглядывает идущего под конвоем милиционера Аркадия Сергеевича, как редкостную обезьяну.

У Аркадия Сергеевича был растерянный, виноватый вид, но он продолжал упорствовать и отрицать свою вину.

— Стыдно, гражданин, — сказал милиционер, составлявший протокол. — Что вам, рубля жалко? А еще интеллигент!

Когда Аркадий Сергеевич вышел из милиции и глянул на часы, он ахнул. Было четверть восьмого. Его романтическое сердце заныло. Не торгуясь, вскочил он в извощичью пролетку и велел, что есть духу, гнать на вокзал.

Он обегал все помещения. Заглянул даже в багажное отделение. Около часу продежурил у дамской уборной. Снова обегал вокзал.

Ноны Михайловны не было.

Удрученный, с дрожащими от усталости ногами, Аркадий Сергеевич уселся в буфете и мрачно потребовал порцию мороженого.

Успокоившись, он пошел к телефону-автомату.

Как на зло телефонная станция медлила с ответом. Наконец телефонная барышня прогундосила номер.

Сдавливая рукой бьющееся сердце, Аркадий Сергеевич дрожащим голосом попросил позвать к телефону Нону Михайловну.

— Это я, — раздался писклывый голос. — Кто говорит?

— Ради бога... Нона... — срывающимся голосом забормотал Аркадий Сергеевич. — Говорю я... Аркадий...

— Милый мальчик! — пропищал голос Ноны Михайловны. — Ради бога, прости меня. Ко мне приехала двоюродная сестра и я не могла выехать... Ты слушаешь?..

Аркадий Сергеевич с треском повесил трубку и плюнул в аппарат.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ“ ВЕЧЕРИНКА

— Городишка наш, сами видите, маленький, захудалый. Обывателя полнейшее перепроизводство — кишмя-кишит. Скука такая, что помереть можно. Ну, помирать не помирают, а ударяются в другие самоубийства, кто насчет выпивки, кто в картишки, кто по женской части. Словом, мелкобуржуазная стихия по самую макушку.

Прихожу я к своему приятелю Шпонову, он раньше в политпросвете служил, и говорю;

— Сеня! Так, мол, и так. Нужно бороться. Теперь такие события. Можно сказать, мы на пороге, а у нас, как на кладбище. Давай устроим вечеринку. Соберем свою компанию, побеседуем, попьем чайку, знаешь, на скромных началах.

Шпонов прямо с руками и ногами ухватился.

— Блестящая идея! Великолепно! Чудесно!

Сейчас же вызвался быть организатором. Назначили мы день — субботу, в девять часов вечера, у Кривоносова. У него, знаете, удобно, потому что квартира большая, пианино и до некоторой степени свой парень.

Ну-с. Я был занят, так что орудовал сам Шпонов. Пришла суббота. Забегает он за мной.

— Идем, говорит, все готово. Певица, скрипач, вина — по бутылке на брата. Словом, с рыла выходит по пятерке. Дешевка.

Приходим мы к Кривоносову, а там такая картина, как в кинематографе, когда показывают званый вечер у какого-ни-

будь буржуя: на столе цветы, вино, приборы. Девиц штук двадцать, разодеты, как на бал, губы накрашены, носы напудрены, все маменькины дочки-барышни. Словом, мелкобуржуазная стихия. Один только порядочный человек Синюхин, кандидат еркапэ.

Я к нему. Потащил его в соседнюю комнату.

— Слушай, говорю, Синюхин. Что ж это такое? Какая же это пролетарская вечеринка, когда обывателя наперло? Надо спасать положение!

— Брось! — говорит Синюхин. — Чего ты панику наводишь? Важна не форма, а содержание. Они пришли пожрать и пофлиртовать, а мы им дадим надлежащее течение. Ты скажешь о международном положении, я что-нибудь в этом роде добавлю. Надо же вести работу среди беспартийных.

Ну, вот решили мы взять инициативу в свои руки. Публика уже расселась, девицы, как поросята, повизгивают, головами вертят. Вижу, что атмосфера не пролетарская, надо с места в карьер направлять в надлежащее русло. Постучал я ножом об тарелку и взял себе слово.

— Вот, говорю, товарищи, собрались мы не для праздного времяпрепровождения, для обывательского зубоскальства, а в целях культурного объединения на пролетарских началах. Наша вечеринка должна быть не мещанской, а пролетарской. Теперь, когда мы накануне событий...

Словом, начал я говорить о международном положении. Оратор, я, знаете, не плохой, притом же политически немного развит. И вдруг поднимается этот дуралей Кишкин и кричит:

— Товарищи! Выпьем за международную революцию!! Ура!..

Понимаете, какая провокация! Все повскакали, полезли чокаться.

— Позвольте, кричу, товарищи! Нужно организованно. Ведь у нас не мещанская вечеринка!..

А Кишкин, ехидина, кричит:

— Вы, что же, товарищи, не хотите пить за революцию в международном масштабе?

Ну-с, выпили мы, хочу продолжать, вдруг Шпонов:

— За нашу Красную армию!..

Ну, тут и пошло. Выпили мы и за Красную армию, и за революцию в Китае, и за ликвидацию безграмотности. Девица Лахудрова, пустая такая девчонка, мещанка до самых пяток, и та поднялась и пропищала:

— За свободную женщину! Долой кухню и семейную кабалу!

Вижу, дальше говорить о международном положении невозможно. Да как тут говорить, когда на одном конце поют „Быстры, как волны, все дни нашей жизни“, а на другом „То не ветер ветку клонит“. Ну, думаю, мелкобуржуазная стихия распоясалась, надо спасать положение. Решаю посовещаться с Синюхиным. Туда-сюда — нет Синюхина. Как провалился.

— Твой Синюхин, — кричит мне кто-то, — индивидуальной пропагандой занят, агитирует женское сословие.

Я возмутился таким отношением и кричу:

— Пожалуйста, без пошлостей! У нас не мещанская вечеринка!!

Побежал я искать Синюхина на улицу. Голова у меня трещит. На улице темнота, хоть глаза выколи. Вдруг слышу голос Синюхина, еще чей-то женский. Подхожу, смотрю — Синюхин и Маруся. Я прямо отрезвел от неожиданности, потому что Маруся... ну, это к делу не относится.

— Товарищ Синюхин, говорю ему, на одну минуточку, важное дело.

А он, понимаете, мне отвечает:

— Какое там дело! Кончил дело — гуляй с женотделом.

— Позвольте, говорю, нельзя ли без зубоскальства. Мы не на мещанской вечеринке и вам, как кандидату партии...

Тут Синюхин встает и подходит ко мне.

— Ты, говорит мне, катись дальше и мне не мешай. Напрасно ты за Марусей ухаживаешь. Она на тебя чихать хотела.

— Как, говорю, чихать хотела? Это она на тебя чихает!

Слово за слово. Человек я горячий и потом же возмутился таким отношением к нашей вечеринке...

Ну, сбежались тут и оттащили нас в разные стороны. Голова у меня как свинцом налита и чувствую, что вот-вот нужно выправлять паспорт на поездку в Ригу. Плюнул я и ушел в дом. А там такое творится, что прямо ужас. Скрипач играет, певица визжит, все поют, танцуют.

— Скандал, думаю, скандал на весь город. Вот тебе и пролетарская вечеринка.

Хотел было усовестить, да куда там. Какой-то чорт мне на голову из сифона сельтерскую воду начал лить, потом уложили меня на кровать. Так я там и проспал до утра.

Вот, понимаете, какие дела. Сорвали, подлецы, нашу вечеринку. Ну, да ничего. Вы у нас долго пробудете? Всю неделю? Тогда приходите к нам на следующую вечеринку. Мы устраиваем у Сизова. Самая пролетарская вечеринка, не такая, как была. Никаких мещанских выходок. И совсем не дорого. По червяку на брата.

Приходите обязательно.

СОБАЧЬЯ РАДОСТЬ

Старый облезлый пес, волоча перебитую лапу, проковылял через улицу и лег на тротуаре в тени, растянувшись и закрыв слезящиеся глаза.

Настроение у пса было отвратительное. Он страдал вдвойне: и от голода и от людской жестокости.

Из каждого двора, куда он заходил, в надежде найти хоть какое-либо пропитание, его выгоняли палками и камнями. На базаре в мясных рядах, свирепый приказчик швырнул в него топором и перебил лапу.

Отчаянный пессимизм охватил пса. Лежа с закрытыми глазами, он желал смерти или хорошего куска мяса.

Смерть не приходила, мясо охранялось жестокими людьми, способными убить того, кто осмелился бы покуситься на их собственность.

Пес шумно вздохнул и вдруг вскочил с отчаянным визгом. Чья-то тяжелая человеческая нога наступила ему на хвост, причиняя острую боль.

Охваченный злобой, не рассуждая, пес вцепился старческими зубами в ногу. Человек ударил пса палкой, ткнул его ногой и побежал вдоль улицы, извергая ругательства.

Будь это рядовой гражданин города, на этом инцидент и окончился бы. Но наступивший на хвост и укушенный псом был секретарь исполкома.

Чертыхаясь и размахивая палкой, он вбежал в кабинет председателя исполкома и, выворачивая ногу, чтобы показать разорванную штанину, закричал:

— Видишь?! На меня набросилась бешеная собака Скоро нельзя будет ходить по улицам! Это мои новые штаны! Я только вчера их надел!

Они осмотрели повреждение. Зубы старого пса смогли разорвать только штаны. Кожа ноги не была затронута.

Это не успокоило секретаря. Он метался по кабинету и кричал:

— Я не буржуй, чорт подери! Я не могу каждый день покупать новые штаны! В городе собак больше, чем жителей! Безобразие!

— Ну, ладно,— добродушно сказал председатель, — криком горю не поможешь. Действительно, у нас собачий город. Надо предписать жителям держать собак на привязи.

— Этого мало!—крикнул секретарь. — Их надо истребить, уничтожить! Если мы этого не сделаем, собаки нас заедят!

— Ну, что ж, — сказал председатель, — составь объявление об уничтожении бесхозяйственных собак.

Секретарь уселся за стол и принялся строчить обязательное постановление.

Через два дня оно было расклеено на всех тумбах, заборах и стенах города.

Затем энергичный секретарь написал местному союзу охотников следующую бумажку:

Уважаемые товарищи!

Все возрастающее размножение собак в городе ставит безопасность жителей под угрозу.

Собаки набрасываются на граждан, рвут новые штаны и кусают за ноги.

Скоро нельзя будет ходить по улицам. А посему предлагается союзу охотников принять участие в истреблении собак, для чего устанавливается неделя борьбы с бесхозяйственными собаками с 6-го по 13-е сего месяца.

С товарищеским приветом

Сек. Исполк. Кандыбин.

* * *

Весть о грозящей смертельной опасности распространилась среди собак с быстротою радио.

Старый пес встретил в переулке знакомого молодого пса „Блямбу“.

Обычно жизнерадостный „Блямба“ был мрачен.

— Ты слышал? — пролаял он на ухо старому псу. — Они расклеили по городу объявления! Нас хотят уничтожить! Мы поставлены вне закона!

Старый пес выслушал сообщение и грустно заморгал слезящимися глазами.

— Что ж делать?—глухо спросил он.

— Пойдем на митинг! — предложил „Блямба“. — Сейчас за городом состоится экстренный митинг! Торопись!

„Блямба“ побежал вдоль улицы. Старый пес, проклиная свою старость, глухоту и перебитую лапу, заковылял вслед.

Когда он добрался к выгону за городскими бойнями, собачий митинг был в разгаре.

Ораторы лаяли так громко, что даже глухому псу были отчетливо слышны все слова.

— Нас хотят уничтожить! – кричал пожилой рыжий пес. — Не довольно того, что нас преследуют, как людей, теперь они решили устроить собачью Варфоломеевскую ночь! Я предлагаю протестовать. Давайте покинем город!..

Рыжего пса сменил „Блямба“.

— Товарищи!—закричал он. — Уход из города это не протест, а чистое толстовство. Мое предложение—объявить людям войну. Будем платить той же монетой. Будем нападать на них, кусать, рвать штаны, душить их детей! Мое предложение ясно. Предлагаю голосовать!

Речь „Блямбы“ вызвала противоречивые отклики. Одни громким лаем выражали свою солидарность с оратором, другие протестовали против такого кровожадного предложения.

Поднялся такой шум, что слов говорящих не было слышно.

Председатель митинга, надрывая горло, тщетно старался успокоить собрание.

* * *

Пока среди собак царит возбуждение и хаос, вернемся к людям.

Председатель правления союза охотников, прочтя записку секретаря исполкома, ударил кулаком по столу и сердито крикнул:

— Чорта с два!

Потом нервно закурил старую охотничью трубку и, немного успокоившись, сказал сидящим за столом, членам правления:

— Нам предлагают охоту на... собак. Как вам это нравится? Явная насмешка! Вот полюбуйтесь!

Члены правления по очереди прочли секретарское послание, покачали головами и хмуро уставились на председателя.

Председатель сделал глубокую затяжку, выпустил дым в потолок и сказал:

— Чорта с два! Сегодня предложат охотиться на собак, завтра на крыс, а после завтра на клопов. Это явное издевательство. Полагаю, что нашим ответом может быть только категорический отказ.

Члены правления ободрительно закивали головами. Председатель взял бланк союза, обмакнул перо в красные чернила и принялся писать:

Уваж. тов. Кандыбин!

В ответ на ваше предложение принять участие в неделе уничтожения собак, сообщаю, что наш союз, насчитывающий 84 члена, среди которых многие имеют знаки отличия, категорически отказывается от столь высокой чести. Сегодня собаки, завтра крысы, а потом дойдет до клопов. Мы охотники, а не собашники!

С тов. приветом

Пред. правления Союза охотников

Онуфрий Борзенко.

Ответ был срочно доставлен в исполком. Секретарь прочел, хлопнул ладонью по столу, чертыхнулся и, схватив бланк исполкома, синим карандашом принялся писать:

Срочно.

Правлению Союза охотников.

Уваж. тов.!

Не валяйте дурака и не разводите контр-революцию. Бесхозяйственные собаки — социальное зло для граждан и уничтожение их есть дело общественное и не один честный гражданин, а тем более охотник, не может отказываться. Вторично предлагаю принять участие в уничтожении. Отказ будет рассматриваться как демонстрация.

С тов. приветом

Сек. Исполкома Кандыбин.

Эта бумажка была срочно доставлена союзу охотников. Председатель прочел, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Чорта пухлого!

Затем схватил бланк, обмакнул перо в красные чернила и принялся составлять ответ...

* * *

Вернемся к собакам.

Старания председателя митинга навести порядок оказались тщетными. Взволнованное возбужденное собрание походило на толкучку или на диспут живой и мертвой церкви. Все лаяли разом, не слушая друг друга.

Одни кричали, что надо, не теряя времени, уйти из города, другие вносили предложение ограничить количество браков и тем самым уменьшить размножение, третьи настаивали на беспощадной борьбе с людьми.

Когда беспорядок достиг высшей точки и, казалось, невозможно будет притти к какому-нибудь решению, со стороны города показался гонец.

Он бежал высунув язык и держа хвост трубой.

Задыхаясь от усталости, гонец пробрался в гущу митингующих и, вскочив на бочку, с которой говорили ораторы, пронзительно крикнул:

— Слу-шай-те!!

Постепенно водворилась тишина.

— Слушайте! — радостным голосом продолжал гонец, — я только что из города. Опасность миновала. Мы можем быть спокойны!

Гонец остановился, набрал воздуху и крикнул:

— У них началась переписка!!

ТРЕВОГА

После осмотра цехов, директор привел меня к пожарному сараю.

— Вот, — сказал он с гордостью, — наш знаменитый пожарный обоз. Обратите внимание, ни единой сориночки, ни пылиночки.

Он мазнул по бочке пальцем и поднес его к моему носу.

— Видите? Вот это чистота!

Действительно, чистота была изумительная. Пожарная машина, бочки, багры, все было словно только что выкрашено. На стене сарая весенними солнцами сверкали медные каски.

— Это пустяки, — небрежно сказал директор, — а вот вы посмотрите, с какой быстротой они выезжают!

Он вынул часы, посмотрел и мотнул головой стоявшему у дверей дежурному.

— Дуй тревогу!

Дежурный не спеша подошел к висевшему у входа в сарай колоколу и нехотя дернул веревку.

— Заметьте, — сунул мне под нос часы директор, — ровно два. Через две минуты все будет сделано.

Прошло три минуты, но ожидаемой суеты приготовления к выезду не было заметно. Дежурный с видом скучающего человека грыз семячки.

— Еще позвони! — крикнул ему сердито директор. — Да сильней! Что ты словно утопленник.

Дежурный снова нехотя подергал веревку и принялся за семячки. Прошло еще пять минут бесплодного ожидания.

— Безобразие! — крикнул директор, нетерпеливо дрыгнув ногой. — Что они пьяны, что ли?

Он сунул часы в карман и зашагал к соседнему флигелю. Я поспешил за ним.

Внутри флигеля мы увидели картину мирной беззаботной жизни. Часть пожарников босиком валялась на койках, часть за столом играла в карты.

— Вы что же, — набросился на них директор, — оглохли? Не слышите сигнала? Где брандмейстер?

Пожарники медленно встали и в угрюмом молчании разглядывали директора.

— Где брандмейстер?! — повторил он грозно. — Опять пьян?

— Иван Мироныч тверезый, — сурово ответил один из пожарников. — Да вот они сами.

В комнату не спеша вошел брандмейстер.

— Иван Мироныч! — кинулся к нему директор. — Что ж это такое? Даю тревогу, а вы хоть бы хны! Словно вас это не касается! Пускай, значит, все горит! Пропадает заводское имущество! Народное достояние! Это саботаж!

Брандмейстер со странным спокойствием выслушал, не глядя на директора, сердитые выкрики и сказал:

— Сейчас выезжаем.

Пожарники лениво натягивали сапоги.

Через полчаса обоз выполз на фабричный двор и медленно, как погребальная процессия, поплелся за ворота.

— Вот изволь с таким народом работать! — смущенно пробормотал директор. - Распустились. Саботируют.

И нервно застегивая пальто он убежал в контору.

* * *

Когда я через час уезжал с завода, ко мне подошел брандмейстер, поглядел по сторонам и, удостоверясь, что никого поблизости нет, сказал:

— Вы, товарищ, наверно удивляетесь. Позвольте рассеять ваше мнение. Мы на пожар действительно выезжаем через две минуты. Но, заметьте, на п о ж а р, а не попустому, не по директорской тревоге. Замучил он нас своими тревогами...

Кто ни приедет, сейчас же демонстрирует. В воскресенье, товарищ из треста был — тревога, во вторник центровики приезжали — опять тревога, сегодня перед вами похвастаться хотел. Не поверите, на прошлой недели четыре тревоги было! Ему хвастовство, а нам мука. Теперь пускай хоть целый день в колокол звонит, никто пальцем не шевельнет.

— Но позвольте, — сказал я, - а если действительно пожар? Ведь сгорит все.

Брандмейстер хитро прищурился.

— Сгорит? А вот пойдемте-ка на две минутки, я вам покажу сгорит или нет.

Заинтересованный я вылез из экипажа и пошел к пожарному сараю.

— У нас, — сказал брандмейстер, вытаскивая свисток, — для настоящей тревоги свой сигнал. Посмотрите на часы. Сколько? Четверть четвертого? Ну смотрите.

Он сунул свисток в рот и оглушительно свистнул. И тотчас же лузгавший семячки дежурный сорвался с места и нырнул в сарай. Через полминуты из флигеля примчалась дружина в полном составе.

А через минуту пожарный обоз с грохотом вылетел из сарая и, поднимая тучу пыли, промчался мимо торжествующего брандмейстера.

ГИБЕЛЬ ТРЕСТА

Теперь, когда волнение умов, вызванное сенсационным событием, улеглось, когда газеты подобрали последние крохи подробностей необычайного происшествия — можно спокойно рассказать историю гибели треста, виновником которой оказался скромный, тихий секретарь треста — Подбородкин.

Утром 27 ноября Подбородкин вошел в кабинет председателя треста с папкой бумаг для подписи. Почтительно дождавшись, когда на последней бумажке председатель сделал завитушку, Подбородкин почтительно сказал:

— У меня возникла идея. Мы тратим большие средства на объявления в газетах. Результат средний. Не лучше ли организовать небольшую передвижную труппу. Производственный репертуар. Наглядная агитация и пропаганда нашей продукции...

Председатель, отличавшийся живым, сразу охватывающим суть дела, умом, не дослушав Подбородкина, живо сказал:

— Превосходно. Согласен. Пригласите актеров, закажите литераторам репертуар. Труппа минимально три человека. Действуйте.

Подбородкин с почтительным удовлетворением наклонил голову и, выйдя из кабинета, принялся действовать. В газеты было разослано следующее объявление:

> Для передвижного театра, организуемого трестом „МОСМЭНД", требуются актеры и репертуар. Подробности у секретаря треста т. Подбородкина от 12 до 3.

Объявление появилось в газетах 29-го, а 30-го в комнате Подбородкина толпилось человек сорок посетителей, среди которых самый опытный глаз не смог бы отличить актеров от литераторов.

Первый, схвативший Подбородкина за руку и энергично ее потрясший, был литератор Синаев.

Он уселся на стол, извлек из кармана кипу помятых, засаленных бумажек и, потрясая ими перед носом обескураженного Подбородкина, загрохотал:

— Репертуарчик! Первый сорт! Комедии, драмы, сценарии! Особенно сценарии! Имейте в виду, этот сценарий заказан Госкино, но я уступлю вам. Изумительный сценарий! Масса трюков. Здоровый детектив! Три тысячи метров! Что? Не нужен? Тогда берите вот эту драму. Ее заказал театр Мейерхольда, но я уступаю вам. Конструктивизм. Реализм. Лестницы. Здоровый смех. Или вот эта комедия. Пять актов. Массовые действия. Заказана театром сатиры, но я уступлю вам.

В пять часов перед обалдевшим, плохо соображавшим Подбородкиным стоял тридцатый по счету посетитель — актер Сушкин-Замоскворецкий и вкрадчиво шептал:

— Вам нужен резонер? Так я же три сезона работал резонером! Что? Герой-любовник? Дорогой мой, да это же-ж мое амплуа! Вы знаете Горянского? Я у него в Ростове-на-Дону два сезона играл. Могу быть простаком, фатом, комической старухой!..

На другой день нашествие началось с девяти часов. Текущая работа треста приостановилась, так как все служащие, начиная с курьера и кончая председателем, были атакованы литераторами в засаленных шляпах и актерами в измятых кэпи.

— Что?! — кричал, наседая на председателя, низенький курносый актер. — Семьдесят пять рублей в месяц?! Да вы знаете, кто я такой? Да я у Забулдыгина в Ряжске получал за выход три червонца! Вам кто нужен? Халтурщик? Что?!

Председатель в отчаяньи хватался за голову, изо всех сил надавливая кнопку звонка, но курьер не прибегал на зов о помощи, так как не мог пробиться сквозь плотное кольцо окруживших его литераторов, наперебой выкрикивавших:

— Двести рублей за печатный лист и ни копейки меньше! Триста червяков за сценарий! Чорт с вами! Давайте пятьдесят и берите пьесу!

Только в девятом часу вечера служащим треста, во главе с председателем, удалось вырваться из помещения. Измученные, растерзанные они сбились в кучу в соседнем переулке.

— Чорт вас возьми с вашей идеей! — набросился председатель на Подбородкина. — Ведь это же кошмар! Они мне разорвали пиджак!

— Что же теперь будет? — плачущим голосом спросила машинистка.

— Бежать! — решительно заявил председатель. — Бежать как можно скорей, иначе мы погибли.

Через полчаса трест в полном составе, со сторожами и мальчиками, скрылся из города в неизвестном направлении.

* * *

Вот правдивая история гибели треста.

Если вы не верите, пожалуйста, будьте любезны, ступайте к тому зданию, где помещался трест и вы увидите у подъезда вещественные доказательства: литератора Синаева и актера Сушкина-Замоскворецкого.

Оба терпеливо ждут.

Первый — аванса в счет гонорара за непринятый сценарий, второй — заключения договора на двести рублей в месяц.

СОДЕРЖАНИЕ